

АМАРИ (М.ЦЕТЛИНЪ)

КРОВЬ НА СНѢГУ

с т и х и
о декабристахъ

ПАРИЖЪ

РУССКІЕ ПОЭТЫ

Выйдутъ въ этой же серіи въ ближайшее время сборники стиховъ слѣдующихъ авторовъ:

8. ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ
9. Л. КЕЛЬБЕРИНЪ
10. МАРИНА ЦВѢТАЕВА
11. ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ
12. АЛЛА ГОЛОВИНА

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ :

1. В. СМОЛЕНСКІЙ. — «Наединѣ»
2. З. ГИППУСЪ. — «Сіянія».
3. Ю. ТЕРАПИАНО. — «На вѣтру».
4. Б. ПОПЛАВСКІЙ. — «Въ вѣнкѣ изъ воска»
5. Г. АДАМОВИЧЪ. — «На западѣ».
6. А. ГИНГЕРЪ. — Жалоба и Торжество.

Складъ изданія:

« Д О М Ъ К Н И Г И »

9, rue de l'Éperon, PARIS 6e.

СЕРІЯ

РУССКІЕ ПОЭТЫ

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ

Настоящій сборникъ изданъ въ количествѣ двухсотъ экземпляровъ, изъ которыхъ двадцать экземпляровъ, пронумерованныхъ отъ 1 до 20, въ продажу не поступаютъ.

АМАРИ (М. ЦЕТЛИНЪ)

КРОВЬ НА СНѢГУ

(стихи о декабристахъ)

Едва дымясь, она свергнула
На вѣковой громадѣ льдовъ,
Зима желѣзная дохнула —
И не осталось и слѣдовъ.

Тютчевъ

« Д О М Ъ К Н И Г И »

И

« С О В Р Е М Е Н Н Ы Я З А П И С К И »

Парижъ

Tous droits réservés
Copyright 1939 by the author

КАМИЛЛА

1. ЗА РОЯЛЕМЪ

Камилла играетъ на рояли
— До ре ми, фа соль, фа ми —
И слѣдить напряженно за своими пальцами,
По клавишамъ неопытными скитальцами,
Чтобы не разбѣгались, чтобы не убѣгло,
Куда не надо,
Бѣлыхъ барашковъ, черныхъ ягнятъ —
Клавишей непослушное стадо.
А за окномъ манить, манить садъ.
Въ аллеяхъ сада
Мальчики играютъ въ войну и парады.
Въ залѣ прохлада
И колоннъ облупившихся бѣлый рядъ.
До ре ми, фа соль, фа ми.
Какъ хочется Камиллѣ играть съ дѣтьми!
Какъ скучно повторять тѣ же гаммы подрядъ,
А надо...

2. БАЗИЛЬ

Базиль пріѣхалъ странный, словно обновленный
весь,
Ходилъ въ костюмѣ бѣломъ, парусиновомъ
Съ открытымъ воротомъ. И шея тонкая
Отъ солнца загорѣла. Былъ высокъ, какъ жердочка
И неуклюжъ и вмѣстѣ граціозенъ онъ.
Ломался голосъ, и глаза какъ будто глубже внутрь
Ушли и не попрержнему смотрѣли на міръ:
Уже не просто міру отдавались. Нѣтъ!
А изъ засады, за брустверомъ затѣняющихъ
рѣсницъ
Смотрѣли съ любопытствомъ настороженнымъ.
Похожъ онъ сталъ на день весенній, мартовскій,
Не даромъ голосъ у него звенѣлъ, какъ ледъ на
лужицѣ
Едва подмерзшей. Улыбался, хмурился
Онъ неожиданно. То былъ весь трепетный
И безконечно мягкій. То вдругъ въ комнату
Капризно заперался и грубилъ безъ повода.
Когда же въ первый разъ съ глазу на глазъ
Они вдвоемъ остались — такъ смутился онъ,
Что покраснѣла даже шея загорѣлая.

3. ФИЛАДЖІЕРИ

Надъ книгою Филанджіери
Какъ сладко сидѣть вдвоемъ.

На мѣстѣ все томъ же, все томъ
Все та же раскрыта страница.
О чемъ же, о чемъ, о чемъ
О чемъ же теперь имъ снится?
О мудромъ ли Филанджіери
И его увѣренной вѣрѣ,
Что можно, какъ прочный домъ
Устроить государство?
Но мудро любви коварство,
Тебѣ, о Филанджіери
И не снилось, вѣрно, о томъ,
Что твои страницы — кому то двери
Къ голубой, воздушной, нездѣшной сферѣ.
О старый и милый Филанджіери,
О толстый, растрепанный томъ!
И затѣмъ ли скрипѣли гусиные перья
Въ твоей рукѣ, Филанджіери,
Чтобъ любовь посмѣялась, какъ легкая Пэри
Надъ твоимъ сѣдымъ парикомъ?

НИКОЛАЙ I

I

Какъ медленно течетъ по жиламъ кровь,
Какъ холодно-неторопливо.
Не высѣкала искръ въ душѣ твоей любовь:
Ты какъ кремень, и нѣтъ огнива!

Какъ вяло тянутся холодной прозой дни:
Ни словъ, ни мукъ, ни слезъ, ни страсти.
Душа полна однимъ, знакомымъ искони,
Холоднымъ сладострастьемъ власти.

Повсюду въ зеркалахъ красивое лицо
И станъ величественно стройный.
Упругой воли узкое кольцо
Смиряетъ нервовъ трепеть безпокойный.

Но все жъ порою сонъ медлительный души
Прорѣжетъ ихъ внезапный скрежетъ,
Какъ будто мышь грызетъ, скребетъ въ ночной
тиши
Иль кто-то по стеклу визгливо рѣжетъ.

Помнить онъ тѣ недѣли,
Когда они вмѣстѣ сидѣли,
Невѣста съ женихомъ.
Помнить онъ тѣ недѣли,
Когда Малекъ Аделя
Они читали вдвоемъ.
Читать ему было скучно,
Вздыхать ему было скучно,
Какой забавой докучной
Казалась любовь ему!
Но онъ зналъ, что это надо:
Поцѣлуи и нѣжные взгляды,
Воздыханія и наряды, —
Онъ не знаетъ самъ почему,
Но онъ твердо знаетъ, что надо.
Есть ученья и есть парады,
Представленья и маскарады,
Панихиды, разводы, награды,
И любви есть также обряды,
Нужно знать добросовѣстно ихъ.
Вотъ назначенъ онъ батальоннымъ,
Будетъ послѣ и дивизионнымъ,
А теперь быть долженъ влюбленнымъ,
Какъ прилежный и нѣжный женихъ.

3. ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ

На кафедрѣ высокій молодой человекъ
Громко, не подымая тяжелыхъ вѣкъ,
Читаетъ.

На бумагу падаетъ блѣдный свѣтъ,
И вокругъ Государственный Совѣтъ
Благоговѣнно внимаетъ
Всей своей вѣрной лягавой душой,
Какъ хозяину преданный песъ большой,
Въ слуховыя трубки
И въ трубочки рукъ
Впитывая, какъ губки,
Каждый звукъ.

Устами, глазами
Пьютъ слова.
Лысыми и блестящими лбами,
Отъ краски зелеными волосами,
Порами явныхъ и тайныхъ морщинъ
Внемлютъ, слышать,
Дышать едва,
И громкій голосъ,
Благодатный вѣтръ высочайшихъ словъ,
Еле колышетъ

Перезрѣлый колось
Старческихъ отяжелѣвшихъ головъ.

Слились всѣ:

Лопухинъ, въ своей пышной красѣ,
Великолѣпный вельможа,
И мумія юноши, вставшая съ ложа, —
Оленинъ съ мальчишескимъ, древнимъ лицомъ,
Графъ Литта съ малтійскимъ крестомъ,
Наивный и сѣдокурый
Карамзинъ, и Сперанскій мудрый,
Князь Куракинъ и Кочубей
И маленькій буффа — Голицынъ.
Не разберешь, хоть убей,
Гдѣ виги, гдѣ тори —

Всѣ лица

Слились въ одно.

И оно

Съ блаженствомъ во взорѣ
Въ нѣкое свѣтоносное море
Погружено.

«Ангеломъ я покойнымъ дышу
Пусть онъ мнѣ предводительствуетъ,
Но можемъ ли мы рисковать
Положеніемъ государства,
Этого обожаемаго отечества?»

Я исполняю свой долгъ.
Присягну, какъ первый вѣрноподданный
Брату и моему Государю».

И вотъ
Старцы его обступили въ волненьи
«О, самоотверженье!...
Подвигъ!... Царственный родъ!..»
И мокрыми поцѣлуями
Цѣлуя его въ ротъ,
Въ грудь, въ плечи, въ животъ,
Протестуя всѣми подаграми, ревматизмами,
почечуями

Въ отвѣтъ
На словъ превыспреннихъ ворохъ
Съ блаженной тоскою во взорахъ
Шептали ему вѣрноподданно-слабое «нѣтъ!»

14-ОЕ ДЕКАБРЯ

1. БУНТЪ

Буйность воскликновений,
Звоны копытъ о ледь;
Гуды и гуль борений,
Камней разгульный летъ.
Это свободы Геній
Толпы мутить, мятеть.

Всюду водовороты,
Лопнулъ упругій кранъ.
Въ вѣсѣ полѣнъ — полеты,
Въ грузѣ бревна — таранъ.
Богомъ былъ царь. Но что-то
Сдвинулось. Онъ — тиранъ!

Звѣрь, отхлебнувшій крови,
И захлебнется въ ней.
Гончую-ль остановишь
Свору ночныхъ страстей?
Вихорь безумья, вновь
Вѣяньемъ вольнымъ вѣй!

Мигъ — и въ щепакъ плотина,
Валь всѣ препоны снесъ.
Вотъ ниспадетъ лавина,
Вотъ запоетъ хаосъ.
Мигъ... Вдругъ хлысть господина!
Звѣрь заскулилъ, какъ песь.

Тщетно борись съ волнами,
Дно нащупывай, шарь...
Ничего подъ ногами, —
Тонешь ты, русскій царь!
Вдругъ барабанъ и знамя,
Твердо идутъ, какъ встарь.

Преображенскій, первый
Близится батальонъ.
Царскіе крѣпнутъ нервы,
Выпрямляется тронъ.
О, воистину первый
Въ мірѣ всемъ батальонъ!

Словно Урала скалы
Или Невы гранить,
Синяя сталь сверкала.
Что за волшебный видъ!
Щерится звѣрь; оскалы
Морды; визжить; бѣжить.

Громче «ура», солдаты,
Слуги, друзья, рабы!

Самодержавье свято
И тяжелѣй судьбы.
Дружно «ура», ребята,
Шире крестите лбы.

Вамъ же года неволи
Ваши несутъ штыки.
Бунту безумной голи,
Окрикъ, прицѣлъ, клыки!
Въ буйномъ ты, Русь, камзолѣ
Цѣпи тоски влеки.

Вашимъ же дѣтямъ цѣпи
И подневольный трудъ.
Эхъ, широки вы, степи,
Буйныхъ разгуловъ гудъ!
Противъ себя же крѣпи
Выстрой, о, русскій людъ!

2. БАРОНЪ РОЗЕНЪ

Розенъ вель свою роту
Стройно, какъ на парадѣ
— Разъ два, разъ два —
(Въ сердцѣ забота,
Тоска во взглядѣ,
Тяжела голова)
Черезъ Фурштатскую
И по Галерной
На Площадь Сенатскую,
Иль къ Императору?
Всюду бѣда!
Ни черту, ни Богу,
Ни «нѣтъ», ни «да»!

Въ ногу, въ ногу,
Быть бѣдѣ
Попъ дорогу
Пересѣкъ.
Ждутъ потери,
Пасть въ борьбѣ

И не вѣрять
Ни судьбѣ,
Ни звѣздѣ,
Бѣдный, убогій
Человѣкъ...

Царь — тиранъ.
Но онъ ли измѣнить,
Сынъ поколѣній
Эстляндскихъ дворянъ?
Столько вѣрныхъ
Царскихъ слугъ
Слышало мѣрный
Ногъ солдатскихъ
Топоть и стукъ...

О, кому же
Нынѣ служить?!
Уже, уже
Тонкая нить.
За кого сложить
Свою голову?
И какъ олово
Тяжела голова,
И въ ушахъ стучать
— Разъ два, разъ два —
Топоты невеселаго
Мѣрнаго и тяжелаго
Шага солдатъ...

3. БѢГСТВО

Бѣжали...
Дуль сырой, морской
Вѣтеръ съ такой тоской...
Стрѣляли.
Неслась картечь
Какъ порывы сырого вѣтра
И пушекъ извергали черныя нѣдра
Смерти смерчь...

Черезъ полыньи и крови лужи
Вель по Невѣ свой нестройный взводъ
Бестужевъ.
Ядра ломали ледъ.

Рылѣевъ,
Въ сѣрой толпѣ затерявшись, бѣжалъ,
Зваль, рукой безнадежно махаль:
«Смѣлѣ!...»

И Кюхельбекеръ, бѣдная Кюхля,
Рыхлая рохля, шлепаль по снѣгу.
Ногами, обутыми въ слишкомъ широкія
туфли
И еще вѣриль въ побѣду.

Юный Одоевскій
Тоже кричалъ и тоже бѣжалъ.
Боже, не праздникъ, не свѣтлый балъ...

Гдѣ скроешься?!

На перекресткѣ Булатовъ
Думалъ: «не съ ними ли свѣтлая смерть,
Близкое небо, ясная твердь,
Твердая смерть солдата?...»

И слыша, какъ бухаютъ пушки
Князь Трубецкой
Съ смертной тоской
Зарылся лицомъ въ подушки.
И ежась отъ боли
И нервно смѣясь,
Бѣдный Князь,
Вождь поневолѣ,
Какъ будто попавши во фракъ въ грязь
Морщился, корчился, весь вѣясь,
Брезгливо, безсильно и думалъ: «доколѣ, доколѣ,
доколѣ?...»

И сѣрые, сирые
Пошедшіе вослѣдъ командирамъ,
Вслѣдъ офицерамъ,
Съ слѣпою вѣрой
Солдаты
Бѣжали, какъ стадо,
Ибо не знали,
Что дѣлать имъ надо,
За что умирать?
Они, прогнавшіе Наполеона,

Бѣжали съ воемъ, визгомъ и стономъ,
Русской свободы безсильная рать.
«Эй, Фадѣичъ,
Дай тебѣ подсоблю,
У тебя колѣно въ крови!»
Нѣтъ, не избѣгнуть смерти иль плѣна...
Кто тамъ, — враги иль свои?...

ИСКУПЛЕНИЕ

I. УТРО АРЕСТА

Эта утренне хмурая
Непроглядная тьма —
Полуосень понурая,
Иль двойная зима?

Утро бѣдное, блѣдное,
Утро робкихъ калѣкъ
(Душѣ ихъ радость побѣдная
Не коснется вовѣкъ!).

Городъ всталъ безъ желанія
Для ненужнаго зла,
Какъ игрокъ состояніе
Проигравшій до тла,

На мгновенье забывшійся
И проснувшійся вновь,
Чтобы вспомнить приснившійся
Сонъ про свѣтъ и любовь,

Съ неушедшей дремотою
Въ воспаленныхъ глазахъ
И съ унылой ломотою
Въ омертвѣвшихъ костяхъ!

Былъ я проданный, преданный
Привезенъ во дворець
На конецъ неизвѣданный,
На безславный конецъ.

Безъ шинели, какъ вѣтка я,
Не отъ страха дрожаль,
Когда руки салфеткою
Адъютантъ мнѣ вязаль.

По паркету блестящему
Тихо велъ онъ меня
Къ офицеру стоящему
У стола близъ огня.

Передъ мутныя, жесткія,
Передъ очи Царя
Какъ на плахи подмости я
Шель молитву творя.

И въ мундирѣ разстегнутомъ
Онъ, казалось, во мглѣ
Предо мной, полусогнутымъ,
Былъ одинъ на землѣ.

Весь прямой (Боже, смилуйся),
Тихо пальцемъ грозя...
И тогда измѣнилася
Бѣдной жизни стезя...

2. НОЧНОЕ ПОСѢЩЕНИЕ

Тѣсная камера.

Часовой у двери какъ столбъ

Замеръ.

Узникъ, опершись рукою о столъ,

Медленно пишетъ.

Вдругъ онъ зябко шей повель

И чувствуетъ весь, что кто-то вошелъ,

Стоить за спиною, сердито дышетъ.

Чувствуетъ и не можетъ встать, перестать

И сердитое слышитъ:

«Встань, здѣсь твой царь!

Что ты писалъ тамъ? дай, достань!»

— Вотъ, Государь!

Прочиталъ, наморщилъ лобъ,

Оглядѣлъ камеру — тѣсный гробъ

«Не жалуешься, не плохо?

Нужно чтобъ ты искупилъ свой грѣхъ

Передъ царемъ и Богомъ,
Или не зналъ ты ихъ всѣхъ?!
Имъ захотѣлось
Править на мѣсто меня.
Имъ не терпѣлось
Одѣться въ красивую тогу,
Рѣчи парламентскія говорить.
Но не угодно было Богу
Этотъ позоръ допустить!
Англійскія завести палаты,
Въ лорды угодить...
А не угодно ли будетъ
Погодить?!
И ты съ ними шель,
Съ мальчишками въ мерзкихъ фрачишкахъ!
Или забылъ ты пушки
Бородина?
Иль побрякушки
Твои ордена?
Вѣдь въ волосахъ твоихъ — видишь нити? —
Сѣдина видна!

Что-жъ ты молчишь?!» — Государь, простите!
« Простить тебя!
Въ душѣ давно ужъ простилъ
Какъ человѣкъ человѣка.
Знаю, что ты изъ малыхъ сихъ,
Пойманныхъ сѣтью умныхъ и злыхъ
Исчадій гнуснаго вѣка!
За себя не трудно простить,
Но за Россію простить нельзя!
Что надѣлали!
На кого вы подняли руку,
Безстыдно-смѣлую?
На меня , потомка великихъ царей.
Съ дерзостью мерзкой преступныхъ дѣтей...
... Ну не плачь, не нужно, зачѣмъ?
Я говорилъ съ тобой строго,
Но хочу не страха — довѣрья.
Не отходи, я тебя не съѣмъ!»
Подошелъ, поцѣловалъ въ лобъ,
Оглядѣлъ камеру — тѣсный гробъ
И ушелъ, наклонившись слегка у порога,
Слишкомъ высокій для тюремной двери.

3. ПИСЬМО КАХОВСКАГО ИМПЕРАТОРУ

Не о себѣ хочу говорить я, но о моемъ отечествѣ.
Дока не остановится бѣненіе сердца, оно будетъ
миѣ дороже всѣхъ благъ міра и самого себя.
Я за первое благо считалъ не только жизнью —
честью жертвовать пользѣ моего отечества.
Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ
самую минуту наслажденія — не все ли равно.
Но что можетъ быть слаще, какъ умереть принеся
пользу?

Человѣкъ, исполненный чистотой, жертвуетъ собой
не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ
исторіи,

Но творить добро для добра безъ возмездія.
Такъ думалъ я, такъ и поступалъ.

Увлеченный пламенной любовью къ родинѣ, стра-
стью къ свободѣ,

Я не видалъ преступленія для блага общаго.

Согрѣтъ пламенной любовью къ отечеству:

Одна мысль о пользѣ онаго питаетъ мою душу.

Я прихожу въ раздраженіе, когда во бражаю
себѣ всѣ бѣды,

Терзающіе мое отечество.

Конституція — жена Константина... забавная
выдумка!

О, мы очень бы знали замѣнить конституцію за-
кономъ!

И ни́бли слово, потрясающее сердца всѣхъ сословій: «Свобода».

Мы не можемъ жить, подобно предкамъ, ни варварами, ни рабами:

Вѣдь чувство свободы прирождено человѣку.
Во имя чего звать къ возстанію? Во имя свободы.
Свобода — вотъ лозунгъ, который подхватятъ всѣ.
Свобода, сей свѣточъ ума, теплотворъ жизни.
Свобода обольстительна, и я, распаленный ею,
увлекъ другихъ.

Жить и умереть для меня — одно и то же.

Мы всѣ на землѣ не вѣчны — на престолѣ и въ цѣпяхъ.

Человѣкъ съ возвышенной душою живетъ не роскошью, а мыслями —

Ихъ отнять никто не въ силахъ.

Тотъ силень, кто позналъ въ себѣ силу человѣчества.

Я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ.

О, свобода, свѣточъ ума, теплотворъ жизни!...

4. СПЕРАНСКІЙ

«Лишь дерево непрочное барьера,
Теперь я здѣсь, а могъ быть тамъ!
Ихъ движеть политическая вѣра,
Которую я раздѣлялъ и самъ.

Да, та же вѣра, но другіе люди
И духъ другой. И ближе мнѣ
Вотъ эти въ золотѣ и лентахъ, груди
Всѣхъ тѣхъ головъ въ горячемъ огнѣ.

Дозирую съ умомъ несчастныхъ вины,
Какъ конституціи точилъ бы параграфъ.
Но не на мнѣ ли винъ ихъ половина?
Иль передъ Богомъ и людьми я правъ?

Я не рожденъ для доли страстотерпца,
Когда бъ фортуна улыбнулась имъ,
Я отъ всего бы поздравлялъ ихъ сердца
Служилъ бы имъ такъ, какъ служу другимъ.

Но не могло быть, не бывает чуда,
И я сужу ихъ, справедливъ, но строгъ.
Что жъ! Вѣренъ я себѣ, я не Иуда.
Такъ хочеть Рокъ: имъ — казнь, тюрьма, острогъ,

А я — домой, на кресла! Славный поваръ
Сготовить завтракъ. Выплюсь. А потомъ
На именины, на рауть, на сговоръ
Поѣду... Вечеромъ же толстый томъ

Открою Монтескье иль Филанджера —
Забвеніе и отдыхъ отъ заботъ»...
И пухлою рукой съ фуляромъ у барьера
Съ блестящей лысины Сперанскій вытеръ потъ.

5. НАТАША РЫЛЪЕВА

О, кто же милѣе, проще, скромнѣе,
Яснѣе милой Наташи.

Тепло и свѣтло и уютно съ нею
Съ веселой Наташей нашей.

Жила, любила дочку и мужа,
Обожала пестрыя тряпки.
Но казалась самой себя много хуже
Въ нарядномъ платьѣ и шляпкѣ.

Говорила съ ошибками по французски,
Неумѣренно сильно картавя,
И носила корсетъ до того ужъ узкій,
Что не стягиваетъ, а давить.

Любила сплетни на дамскомъ вѣчѣ,
И радовалась визитамъ,
И тому, что ея такъ округлы плечи
Въ бальномъ модномъ платьѣ открытомъ,

А была-то въ сущности доброй хозяйкой,
Вовсе не Nathalie, а Наташей.
Снявши съ розовыхъ ручекъ перчатокъ лайку,
Готовила борщъ и кашу.

И вдругъ свалились такъ странно, такъ быстро
Такое горе и ужасъ.

И вотъ Наташа въ приемной министра
Хлопочетъ за мужа «за мужа-сь!»

Постарѣла сразу, ходитъ въ салопѣ,
Словно выщѣла вся мгновенно.
«Не тревожьтесь, сударыня, мы вѣдь въ Европѣ,
Милость царская неизреченна».

По приемнымъ, по банкамъ, да по ломбардамъ,
Предвосхитивши долю вдовью,
Продавала, платила, торговалась съ азартомъ,
Исходила вѣрной любовью,

Великой любовью къ мужу и къ Настѣ,
Крошкѣ дочери (кто ея краше!)
И была въ своемъ безысходномъ несчастьи
Бѣдной простою Наташей!

6. НОЧЬ ПЕРЕДЪ КАЗНЬЮ.

«Вы не споете ли намъ, Муравьевъ?

По итальянски славно вы поете.»

— Ну что-жъ, извольте, я всегда готовъ.

Но не сорваться бѣ на высокой нотѣ

Унылому пѣвцу — на эшафотѣ!»

— Oh, dans la maison du pendu... Безъ дальнихъ
словъ!

Начните. Тише, господа, вниманье).

И пѣсня полилася, какъ рыданье

Полночное рыданье соловьевъ.

Былъ душень черень пологъ лѣтней ночи

И напряженно въ тьму глядѣли очи

Чтобъ будущаго пріоткрыть покровъ.

Италія горячая вставала

На полный сладкозвучный чудный зовъ.

Лилася пѣсня, страстно колдовала,

Зачѣмъ же жизнь нельзя начать сначала

Бездумными и счастливыми быть,

И не рыдать въ темницѣ, а любить...

Душа внезапно словно обнажилася

Отъ мелкаго, что зарослью обвилось

Вокругъ нея, и видно стало дно,

И въ глубинѣ прозрачной то одно,

Изъ за чего и стоитъ жить на свѣтѣ,

Изъ за чего такъ горько умереть...

Всѣ слушали, притихшіе какъ дѣти

И каждый думалъ съ болью о своемъ.
Умолкъ и молодой Бестужевъ Рюминъ
Онъ былъ порой слишкомъ болтливъ и шумень,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ вѣрить и горѣть
И зажигать другихъ своимъ огнемъ,
Огнемъ наивнаго энтузіазма,
Но онъ замолкъ и горло сжала спазма,
И онъ безшумно горько зарыдалъ,
Весь сотрясаясь, исходя слезами.
Онъ жить хотѣлъ и смерти онъ не ждалъ,
Хотѣлъ еще насытить сердце днями,
Чтобъ умереть не скоро и въ свой срокъ.

А Якубовичъ думалъ: «это рокъ».
И слушалъ, слушалъ, пальцы сжавъ до боли,
Какъ будто вель азартную игру,
И бросилъ все на ставку: жизнь и волю.
Онъ жить хотѣлъ, быть гостемъ на пиру,
Гдѣ звонъ мечей и страсти роковыя.
Но , Боже, страсти знаютъ лишь живые,
А смерть какъ шулеръ все возьметъ къ утру!

А іюльская нестынушая ночь
Ихъ пологомъ горячимъ обнимала...
Рыдала пѣсня, сладостно рыдала,
Чтобъ выпѣться до дна и изнемочь.

«РОССІЯ НИКОЛАЯ»

1.

Скучна Россія Николая,
Безкрылой силою сильна.
Всѣхъ внѣшнихъ недруговъ пугая,
Внутри развращена, больна,
Но міру робкому — пока
Ее недугъ точиль незримо,
Она казалась велика
Безрадостнымъ величьемъ Рима.

2. СТАРУХА ВОЛКОНСКАЯ

Косная, грузная, грубая жизнь недвижима.
Духъ отлетѣлъ, цепѣнѣть тяжелая плоть.
Словно дыханія паръ на зеркалѣ стеръ ихъ Гос-
подь,
Вмѣстѣ съ мечтой ихъ развѣялъ, какъ призраки
дыма.
Все неизмѣнно навѣкъ, и старуха Волконская,
мать,
Въ день, когда сына ея заковали въ желѣза,
Мать съ улыбкой застывшей силы нашла танце-
вать
Въ первой парѣ съ царемъ, застывшее располонеза.

3. ЕРМОЛОВУ

О, какъ Вы не бросились, Ермоловъ,
Вы, левъ Кавказскій, съ вершинъ Кавказа.
О, какъ Вы не сбросили престола
Ударомъ лапы могучей сразу?

За Вами армія и офицеры,
Народность громкая среди народа,
Кто не послѣдовалъ бы примѣру
Героя двѣнадцатаго года?

Мигъ колебанія, мигъ судьбоносный,
Но побѣдилъ, увы, нашъ рокъ проклятый!
И Вы смирились предъ силой косной,
Остались вѣрнымъ Вы «долгу солдата».

И вышло: гибель намъ, а Вамъ — отставка,
Мундиръ и пенсія, покой и сытость,
Не слава вѣчная. — пустая славка,
Одна московская лишь знаменитость.

Старѣйте медленно въ своей подмосковской,
Грызите ногти, стригите когти,
Какъ левъ прирученный и малокровный.
Склоняйте голову въ тоскѣ на локти.

Красуйтесь глыбою другого вѣка
На всѣхъ обѣдахъ, на всѣхъ парадахъ.
Читайте съ завистью, душой калѣка,
О новыхъ подвигахъ, чужихъ наградахъ

Стрѣляйте дупелей въ своемъ болотѣ,
Браните правительство въ своей гостиной,
Но Вы прошенія не найдете,
За эти великія Ваши вины.

За то, что не бросились Вы, Ермоловъ,
Вы, левъ Кавказскій съ вершинъ Кавказа,
За то, что не сбросили престола
Ударомъ лапы могучей сразу!

Когда Ермоловъ хоть день безъ движенія прово-
дилъ,
Безъ заботъ, безъ охоты, безъ скачки бѣшенно
смѣлой,
Сдержанный пылъ наружу рвался, выходилъ
И пупырышками покрывалъ его тѣло.
О, Россія, страна богатырская, какъ легкій пухъ
Тебѣ величайшія тяжести земныя,
Не ты скована, безсильна, недвижна, Россія
И медленно изъязвляется твой свѣтлый духъ.

5. СМЕРТЬ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА

По ночамъ горѣли бочки со смолою
На шестахъ высокихъ.
И неслось возстанье бурною рѣкою
Вплоть до сельъ далекихъ!

Бѣлокурые мальчишки въ селахъ,
Громко зубоскаля,
Побѣждали въ играхъ буйныхъ и веселыхъ
Медвѣдя-москаля.
И не умолкали
Въ раскаленной до бѣла и до красна Варшавѣ
Словопренья страстныя.
Споръ вели о власти, и раздоръ о правѣ
Бѣлые и Красные.

А потерявшій оба отечества
(О, кара сверхъ мѣры
Его великихъ винъ!).

Когда терять было нечего,
Безъ воли, безъ вѣры
Умиралъ отъ холеры
Въ Витебскѣ Константинъ.

И княгиня Ловичъ, глупая и милая,
Милая и красивая,
Прожившая жизнь съ такою кроткой силою,
Добрая и счастливая, —
Чувствовала, что не жить ей больше,
Что не пережить ей Польши
И не пережить своего бѣднаго, страннаго, хмураго,
грубаго мужа...

Плакала вполголоса,
Не рыдала въ голосъ
И не рвала волосы,
А съ собой боролась.
Не причитала,
А шептала:
«Умеръ мой Константинъ,
Умеръ мой господинъ.
Я здѣсь одна, и онъ тамъ одинъ,
Безъ меня!»
Плакала и не брала
Въ ротъ росинки маковой
Три дня.

А потомъ остригла бѣдная княгиня Ловичъ
Волосы безъ вздоховъ и безъ слезъ,
Чтобъ положить подушку въ гробъ изъ кось,
Чтобъ опочила голова бульдожья
На ласковомъ, какъ ея руки, ложѣ
Живыхъ, густыхъ, каштановыхъ волосъ.

6. ПРОГУЛКА НИКОЛАЯ I.

Пристегнувши шнурками полость,
Запахнувши крѣпче шинель,
Онъ летить — и въ душѣ веселость.
Вѣть вѣтеръ, крѣпкій, какъ хмѣль,

Иногда отъ быстрого бѣга,
Изъ подъ легкихъ конскихъ копытъ
Мягко бѣлыми комьями снѣга.
На мгновенье глаза слѣпить.

Мчатся сани стрѣлой прямою,
А вокругъ нихъ снѣжинокъ игра,
Опушающихъ бѣлой каймою
Темно-сѣрый городъ Петра.

Николай изящный, высокій,
Неподвижно прямой сидитъ
И любовно царское око
Созерцаетъ знакомый видъ:

Дали ровны, улицы прямы,
И мундиры застегнуты всѣ,
Дальней крѣпости панорама
Въ величавой стынетъ красѣ.

Дали ровны, улицы прямы...
Что страшнѣй, прекраснѣй, скучнѣй,
Чѣмъ созданіе воли упрямой
Напряженныхъ петровскихъ дней?

Дали ровны, улицы прямы,
Снѣгъ блеститъ, просторъ серебра
О какая прекрасная рама
Къ величавой фигурѣ царя!

ПРОГУЛКА НИКОЛАЯ I

Снѣжно-бѣлый, холодный
Отъ метелей и пургъ
Надъ Невой благородной
Онѣмѣль Петербургъ.

Мчатся быстрыя сани
Въ вихревое кольцо.
Отъ холодныхъ касаній
Запылало лицо.

Все полно здѣсь холодной
Неживой красоты,
Несвободной, бесплодной
И безкрылой мечты.

Что за странное чувство
Средь полузабытья:
«Правда, жизнь и искусство
Все — мое. Все — какъ я.

Тяжкая величавость,
Огражденный просторъ,
Неба хмурая ржавость
И свинцовый мой взоръ

Зданій каменный очеркъ,
И кирпичъ и гранить
Часть меня, какъ мой почеркъ,
Необманно хранить.

Хорошо мнѣ промчатся
Улицъ лентой прямой,
Хорошо возвращаться
Въ тихій Зимній домой,

По пути офицера
Пожутивши слегка,
Посадивъ для примѣра
За размѣръ темляка.»

8. ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА НИКОЛАЯ I

Старый уже и не прежній уже, полусѣдой
Вдетъ Дворцовою Набережной, дорогой прямой.
Гаснетъ Соборъ Петропавловскій межъ тлѣющихъ
зорь...

Въ сердцѣ глухая безрадостность, хмурая хворь.
Гаснетъ Соборъ, усыпальница предковъ — царей...
Смерть, приходи, не запаздывай, будь побыстрѣй.
Россіи гранить разсыпается въ рукахъ какъ песокъ.
Сани въ смерть подвигаются. Путь недалекъ.

СМЕРТЬ НИКОЛАЯ I.

На низкой походной кровати,
На которой всегда онъ спалъ,
Средь слезъ семьи и объятій
Императоръ умиралъ.

Сбиваясь въ знакомомъ напѣвѣ,
Читалъ надъ нимъ духовникъ
Отходную. Сынъ — Цесаревичъ
Къ его рукъ приникъ,

«Позвать Цесаревича — внука
(Цесаревича съ завтрашняго дня)
Ну, Никсъ, по военному, ну ка,
Не плачь, поцѣлуй меня.

«Дѣдъ будетъ все видѣть съ неба,
Такъ веди же себя молодцомъ.
Учись, ничего не требуй
И вырастешь славнымъ царемъ.

«Пусть будетъ насколько прилично
Кратокъ трауръ по мнѣ.
Ты крѣпишься, Муффи, отлично!
Нужно твердой быть царской женѣ.

«Молчите про Севастополь!...
А душа еще тамъ, все тамъ...
Редуты, курганы, окспы

Я ихъ строилъ когда-то самъ.

Камчатскій редутъ Тотлебенъ
По моимъ чертежамъ возвелъ.
Обо всемъ дамъ отчетъ на небѣ»...
Смолкъ, ослабъ и въ себя ушелъ.

И готовясь къ докладу, къ приему
Передъ трономъ другого Царя,
Вспомнилъ, можетъ быть, сквозь
полудрему
Про далекій день Декабря...

ВЪ СИБИРИ

1. ЛЕПАРСКІЙ

Станиславъ Романычъ Лепарскій
Посѣдѣвшій на службѣ царской,
Конно-егерскій, не гусарскій,
Генераль кавалеристъ.
По солдатски, а не по барски
Онъ тянулъ свою лямку, Лепарскій,
Посѣдѣлъ на службѣ на царской,
А остался душою чистъ.

Какъ прилизаны гладко височки,
Какъ пачулево пахнутъ платочки,
Фиолетово-дряблыя щечки —
Молодится еще генераль.
Онъ, воспитанникъ езуитовъ,
Обжился среди московитовъ,
Было бѣ гладко все, шито да крыто,
Да не вышелъ бы гдѣ скандалъ.

Наклонившись надъ дамской рукою
Говорилъ съ мольбой и тоскою
(И мундиръ его слишкомъ узкій
Вотъ вотъ, кажется, лопнетъ по швамъ)
«Ну, браните меня, браните,
Ну, браните, сколько хотите,
Но браните меня по французски
Pour la grâce de Dieu, Mesdames!»

«А не то донесутъ, злодѣи!»
И, какъ будто онъ былъ въ траншеѣ,
Багровѣла толстая шея,
Какъ малиновый воротникъ.
«Быть изруганнымъ какъ мальчишкѣ.
Ахъ, ты жизнь...» И онъ шелъ въ картишки
Дернуть вечеромъ по мелочишкѣ
Къ госпожѣ оберъ-штейгершѣ Рикъ.

И вотъ этотъ смѣшной старичишка,
Измѣнившій своимъ полячишка
Приоткрылъ свинцовую крышку,
Погребенныхъ заживо спасъ.
Безъ него не одна бы погасла
Жизнь какъ лампа лишенная масла,
Оборвалась, какъ нить безъ прясла
Въ роковой полуночный часъ.

«Что карьеръ? Я ужъ старъ для карьера,
Хоть не русскому офицеру,
И не анненскому кавалеру
Быть игрушкою модной идей,
Не боюсь осужденья людского,
Не боюсь царя я земного,
И не буду — шляхетное слово! —
Мучить сихъ благородныхъ людей!

«Аккуратно пишу донесенья
И инструкции, и представленья
Я для Третьяго шлю Отдѣленья,
Каждый вью и точку параграфъ
Пусть читають ихъ тамъ въ Петербургъ,
Бенкендорфы, Солоны, Ликурги,
Все завѣсятъ сибирскія пурги,
Передъ совѣстью буду я правъ»...

Былъ онъ правъ! И средь благословенныхъ,
Средь именъ, Россіи священныхъ
Ваше имя, спаситель плѣнныхъ,
Лепарскій, Станиславъ!

2. ИЗЪ ДНЕВНИКА КАМИЛЛЫ

За окномъ морозъ и снѣгъ
Тихо словно въ ночи вѣчной.
Времени не слышенъ бѣгъ
Человѣку человѣкъ
Близокъ, близокъ безконечно...

Въ креслѣ дремлетъ Вася мой
Съ книгою полураскрытой.
Хочется ли мнѣ домой?
Домъ ли это, домъ ли мой?
Этотъ скованный зимой
Скудный берегъ ледовитый!

Слиты мы и сплетены
Нитями любви и боли.
Дѣлимъ все: и жизнь и сны,
Все что мы дѣлать должны
Словно птицы двѣ въ неволѣ.

Тихъ и горекъ день за днемъ
— Кофе, завтракъ, чай и ужинъ —
Грѣмся мы предъ огнемъ,
И средь холода кругомъ
Намъ очагъ уютный нуженъ.

Тихая, простая боль,
Полуболь и полускука.
Господи, доколь, доколь
Эта скука, эта боль,
Эта тьма и ночь безъ звука ?...

3. ВОЗВРАЩЕНЬЕ

Басаргинъ возвращался изъ далекой Сибири,
Басаргинъ возвращался и прощался,
И мыслію къ тѣмъ, кого въ этомъ мірѣ
Не увидитъ ужъ больше, — обращался:

Тамъ въ Иркутскѣ лежитъ Трубецкая, Каташа
(Этимъ ласковымъ именемъ звать я
Смѣю Васъ, утѣшенье и радость наша,
Мы вѣдь были Вамъ близки, какъ братья!)

Сколько милой, улыбчивой, ласковой силы,
Простоты, обаянія, воли...
Богъ ей не далъ спокойно дойти до могилы,
И взыскалъ испытаніемъ боли.

Кюхельбекеръ, увы, не дождался славы,
А желалъ ея съ страстною тоскою.
Снѣгъ зимою, а лѣтомъ высокія травы...
Не прочтешь, кто лежитъ подъ доскою!

И читатель тебя никогда не узнаетъ,
Бѣдный рыцарь словесности русской.
Только другъ съ улыбкой порой вспоминаетъ
Этотъ профиль нелѣпый и узкій.

И на томъ же кладбищѣ, гдѣ спитъ Кюхельбекеръ,
Тоже нѣмецъ и тоже — божій,
Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, штабъ-лѣкарь,
Бѣдный прахъ твой покоится тоже.

А Ивашевы, близкіе сердцу, родные,
Тѣ въ Туринскѣ спятъ непробудно.
Оба милые, оба простые, земные,
Обреченные жизни трудной.

Послѣ родовъ въ горячкѣ скончалась Камилла
И день въ день черезъ годъ мой Вася.
Съ ними все ушло, что мнѣ было мило,
Холостецкую жизнь мою крася.

Надъ могилами долгія, долгія ночи,
Надъ могилами бѣлыя зимы,
Надъ могилами лѣтнія зори короче,
Чѣмъ огнистые зимніе думы.

И, какъ птица, душа и рѣетъ, и вьется
Надъ гнѣздомъ, единственнымъ въ мірѣ.
И быстрѣе, чѣмъ тройка на западъ несется,
Мчится сердце къ кладбищамъ Сибири.

КЛЮЧЬ СВОБОДЫ

Ключь свободы при Николаѣ
Застылъ, но не вовсе замерзъ.
Часто царь говорилъ: «я знаю —
Ce sont mes amis du Quatorze!»

И когда черезъ многіе годы
Вдругъ народъ свой выпрямилъ торсъ
На одно мгновеье свободы —
C'étaient ses amis du Quatorze!

Сонъ иль явь? О, Боже великій!
Или то океанъ отмерзъ?
Толпы, площадь, цвѣты и клики,
Ce seront ses amis du Quatorze!

ОГЛАВЛЕНІЕ

КАМИЛЛА

1. За роялемъ	5
2. Базиль	6
3. Филанджіери	7

НИКОЛАЙ I

1. Какъ медленно течеть по жиламъ кровь	8
2. Помнить онъ тѣ недѣли	9
3. Государственный Совѣтъ	10

14-ое ДЕКАБРЯ

1. Бунтъ	13
2. Баронъ Розень	16
3. Бѣгство	18

ИСКУПЛЕНІЕ

1. Утро Ареста	21
2. Ночное Посѣщеніе	24
3. Письмо Каховскаго	27
4. Сперанскій	29
5. Наташа Рылѣва	31
6. Ночь передъ казнью	33

РОССІЯ НИКОЛАЯ

1. Скучна Россія Николая	35

2. Старуха Волконская	36
3. Ермолову	37
4. Когда Ермоловъ	39
5. Смерть Константина Павловича	40
6. Прогулка Николая I	43
7. Прогулка Николая I	45
8. Последняя поѣздка Николая I	47
9. Смерть Николая I	48

ВЪ СИБИРИ

1. Лепарскій	50
2. Изъ дневника Камиллы	53
3. Возвращеніе	55

Ключъ свободы	57
----------------------------	-----------

IMP L. BERESNIAK. 12. RUE LAGRANGE. PARIS

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ : «ДОМЪ КНИГИ»

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, Rue de l'Eperon, Paris (6-). Téléphone: Danton 10-60

	Долл.
СМОЛЕНСКИЙ В. — «Наединѣ». «Русскіе Поэты» № 1	0.30
ГИППИУСЪ З. — «Сіянія». «Русскіе Поэты» № 2	0.30
ТЕРАПИАНО Ю. — «На вѣтру». «Русскіе Поэты» № 3	0.30
ПОПЛАВСКИЙ. — «Вѣнокъ изъ воска». «Рус. Поэты» № 4	0.30
АДАМОВИЧЪ Г. — «На западѣ». «Русск. Поэты» № 5	0.30
КНУТЬ Д. — «Насушная любовь», 4-ая кн. стиховъ	0.50
ВОИНОВЪ И. — «Чаша ярости». Стихи	0.30
КУЗНЕЦОВА Г. — «Оливковый садъ». Стихи	0.75
ДЕШЕВОЙ. — «Листопадъ». Стихи	0.30
СМОЛЕНСКИЙ. — «Закать», 1-ая кн. стиховъ	0.20
ГРОНСКИЙ Н. — «Стихи и поэмы»	0.50
ВЕРТИНСКИЙ А. — «Пески и стихи»	1.00
ПРЕГЕЛЬ Софія. — «Солнечный Произволь»	0.30
ПРЕГЕЛЬ Софія. — «Разговоръ съ памятью»	0.30
ЯКОРЬ. — Антологія Зарубеж. поэт. АДАМОВИЧА	0.75
«КРУГЪ». — Литер.-худ. альманахъ тт. 1, 2 и 3-й по.	0.75
БЕРБЕРОВА. — «Безъ заката», романъ	0.75
ГАЗДАНОВЪ. — «Исторія одного путешествія», ром.	0.75
ЗУРОВЪ. — «Поле», романъ	0.75
ЕМЕЛЬЯНОВЪ. — Приключеніе Джима», романъ	0.60
АРСЕНЬЕВА. — «Концертъ»	0.50
КУНИНА. — «Красная Феска»	0.75
ИВАНОВЪ Г. — «Распадъ атома» (отпечатано 200 экз.)	1.00
ЦЕВЛОВСКИЙ. — «Черная рѣка», романъ	0.75
ДОНЪ-АМИНАДО. — «Нескучный садъ»	0.75

«ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ». — Юбил. изд. стар. орф. съ комментар. проф. М. Л. Гофмана, 336 стр. на бумагѣ АЛЬФА	\$ 0.50
ПУШКИНЪ. — Юбил. однотомное собр. соч., стар. орф. 1100 стр., без пер.	\$ 2.00 въ кол.
пер. \$ 2.50, въ кож. пер. \$ 3 и	3.50

На складѣ всѣ новинки зарубежныхъ и совѣтскихъ изданій.

Каталоги и бюллетени новинокъ и Антиквариата бесплатно.

ДОМЪ КНИГИ

MAISON DU LIVRE ÉTRANGER

9, rue de l'Éperon — Paris 6^e